

проблемы : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.03 / П. М. Морхат ; Рос. гос. академия интеллектуальной собственности. – М., 2018. – 48 с.

СУБСТИТУТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО АГЕНТСКОМУ ДОГОВОРУ: ПЕРСПЕКТИВЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ю. О. Лысаковская

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220089, г. Минск, Беларусь, julia.lysakovskaya@drc.by

Субститутивная ответственность возникает, когда одно лицо несет ответственность за деликт другого. Право признает данную ответственность объективной формой ответственности. Данный институт известен в национальном праве как субсидиарная ответственность, которая возникает в силу взаимосвязи между фактическим правонарушителем и лицом, которое несет субсидиарную ответственность. Автор ставит перед собой задачу определить, возникает ли субсидиарная ответственность между принципалом и агентом по агентскому договору в системе общего права, а также определить перспективы институализации субсидиарной ответственности принципала в белорусской правовой системе.

Ключевые слова: агентский договор, агентские отношения, субсидиарная ответственность, субститутивная ответственность, деликт, хозяйственный кодекс.

При всей своей популярности и распространенности тематика агентских правоотношений является относительно слабо изученной в национальной правовой науке. В силу нашего научного интереса к институту агентских правоотношений [1; 2], субсидиарная ответственность принципала за действия агента требует детального рассмотрения.

Вопросы возникновения ответственности принципала (или обязанности по возмещению вреда) за вред, причиненный третьему лицу деятельностью агента, впервые были поставлены англосаксонскими правоведами.

Доктрина субсидиарной ответственности лежит в основе деликтного права common law: представляет собой не правонарушение, а норму ответственности, которая возлагает на ответчика ответственность за

правонарушения, совершенные другим лицом (*vicarious liability, subsidiary liability, secondary liability*). По своей правовой природе данный вид ответственности является вторичной ответственностью. Классическим примером является ситуация между нанимателем и работником: наниматель несет вторичную ответственность за правонарушения своих работников при условии, что они совершены в ходе осуществления трудовой функции причинителем вреда. При таких обстоятельствах ответственность возлагается на нанимателя не в силу его собственного противоправного деяния, а в силу его взаимоотношений с причинителем вреда. Таким образом, любое исследование субсидиарной ответственности не может не учитывать ее роль в определении того, кто в конечном итоге несет бремя выплаты компенсации [3].

Так, Патрик Селим Атия (P. S. Atya) считает, что субсидиарная ответственность по общему правилу возникает вне зависимости от обстоятельств в отношении «хозяин-слуга» [4], в иных случаях субсидиарная ответственность возникает только в определенных исключительных обстоятельствах [4].

В силу правовой природы агентского договора отношения его сторон, с определенной долей условности, можно характеризовать как отношения «хозяин — слуга», в этой связи возникает вопрос, о том, может ли принципал нести субсидиарную ответственность за несанкционированные или неправомерные действия своего агента. Для ответа на данный вопрос прежде всего необходимо определить, что понимается под термином «агент» в юридическом смысле. Как отмечает P.S. Atya, определение термина «агент» является труднодостижимым, если не невозможным [4].

Даль Понт (Dal Pont) вызывает три типа агентов:

те, которые могут *создавать правоотношения* от имени принципала с третьей стороной;

те, которые могут *влиять на правоотношения* принципала от имени третьей стороны; и

лицо, которое уполномочено *действовать от имени* принципала [5].

По мнению Боустеда (Bowstead), агентирование — это *фидуциарные отношения*, которые существуют между двумя лицами, одно из которых прямо или косвенно соглашается, что другое должно действовать от его имени, чтобы повлиять на его отношения с третьими лицами, и а также иные лица, которые аналогичным образом дают согласие на такие действия. Тот, от имени которого должен быть совершен акт или действия, называется принципалом, тот, кто должен действовать, называется

агентом. Любое другое лицо, помимо принципала и агента, может называться третьей стороной [6].

В 2000-х годах судебная практика пошла вразрез с доктриной англосаксонского права. Так, в решениях Верховного суда Австралии по делу *Scott v Davis* (2000) [7] и делу *Hollis v Vabu* (2001) [8] вместо традиционного подхода, основанного на деликтном праве, различиях между работниками и независимыми подрядчиками, для установления ответственности принципала суд использовал нормы права об агентских отношениях. Так, суд определил, что термин «агент» используется для обозначения лица, наделенного полномочиями или правоспособностью создавать своими действиями правоотношения между принципалом и третьими лицами. В обоих случаях суд установил, что принципал несет субсидиарную ответственность за действия своего агента [7, 8].

Указанное определение суда наиболее близко к первому типу агентов согласно Даль Понту. Очевидно, чем шире определение термина «агент», тем больше почвы для возможных выводов о субсидиарной ответственности принципала за действия агента.

Как указал лорд Уилберфорс в деле *Morgans v Launchbury* [9], использование термина «агент» в данном случае «является просто концепцией, смысл и цель которой — сказать «несет субсидиарную ответственность», и что любое выражение отражает оценочное суждение вышестоящего есть закон, говорящий о том, что собственник должен платить» [9].

В деле *Scott v Davis* лорд Уилберфорс отметил, что описание лица как агента иного лица является *признанием наличия субсидиарной ответственности*, а не обоснование такого вывода. Тем не менее, некоторые судьи ссылаются на агентирование как на критерий, определяющий наличие ответственности по аналогии с трудовыми отношениями. В таком случае суду следует быть более конкретным в отношении того, что имеется в виду [7].

Таким образом, анализ указанных выше судебных решений позволяет сделать вывод, что термин «агентство» используется для констатации факта, что отношения, влекущие возникновение субсидиарной ответственности, были установлены, а не для того, чтобы установить факт существования отношений между принципалом и агентом.

Согласно отечественной доктрине права объективная ответственность может наступать и без наличия вины, например, за причинение вреда гражданам - потребителям вследствие недостатков товара, работы или

услуги (ст. 964, 965 Гражданского кодекса Республики Беларусь); за вред, причиненный лицу деятельностью, которая создает повышенную опасность для окружающих (ст. 948 Гражданского кодекса Республики Беларусь); за причинение морального вреда (ст. 969 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

В силу отсутствия института агентского договора в праве Республики Беларусь при практическом применении агентских отношений во многих сферах, и на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Необходимость институализации агентских отношений в национальной правовой системе актуальна и давно назрела.
2. Представляется целесообразным кодифицировать законодательство Республики Беларусь о хозяйственной деятельности и включить в хозяйственный кодекс главу «Агентские отношения».
3. Необходимо закрепить в хозяйственном кодексе Республики Беларусь норму о субсидиарной ответственности принципала за причинение вреда агентом третьим лицам (деликты агента) при исполнении последним агентского соглашения, с правом потерпевшего лица предъявить требований о возмещении вреда и к агенту, и к принципалу.

Список использованных источников

1. Лысаковская, Ю. О. Правовое регулирование агентирования: компаративный анализ законодательства Республики Беларусь и некоторых стран общего и континентального права / Ю. О. Лысаковская // Российский правовой журнал. – 2021. – № 1(6). — С. 75 – 80.
2. Лысаковская, Ю. О. Агентский договор: особенности правового регулирования в Республике Беларусь и зарубежных правовых системах / Третьи цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной [Электронный ресурс] / Ю. О. Лысаковская : сборник статей / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь; под общ. ред. Н. Л. Бондаренко [и др.]. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – С. 131–134.
3. *Giliker, P.* What is vicarious liability? In *Vicarious Liability in Tort: A Comparative Perspective* [Electronic resource] : Cambridge Studies in International and Comparative Law. Cambridge: Cambridge University Press. – 2010. – pp. 1-20. – Mode of access : <https://www.cambridge.org/core/books/abs/vicarious-liability-in-tort/what-is->

vicarious-liability/0A9745E929A46D577EB8A36CE61DF006.
doi:10.1017/CBO9780511779008.002.

4. Atiyah, P. S. An Introduction to the Law of Contract Clarendon law series, 5. – Clarendon Press, 1995. – 479 p.

5. Dal Pont, G. E. Law of Agency. - LexisNexis Butterworths, 2013. – 711 p.

6. Peter Watts, Reynolds, F.M.B. Bowstead and Reynolds on Agency. - Twenty-first edition. - Thomson Reuters, trading as Sweet & Maxwell. – 2018. – 812 p.

7. Scott v Davis [2000] HCA 52; 204 CLR 333; 175 ALR 217; 74 ALJR 1410 (5 October 2000) [Electronic resource] : High Court of Australia. 5th October, 2000. - Mode of access : Scott v Davis [2000] HCA 52; 204 CLR 333; 175 ALR 217; 74 ALJR 1410 (5 October 2000) (austlii.edu.au).

8. Hollis v Vabu Pty Ltd [2001] HCA 44; 207 CLR 21; 75 ALJR 1356; 106 IR 80; 181 ALR 263 (9 August 2001) [Electronic resource] : High Court of Australia. 5th October, 2000. - Mode of access : <http://classic.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/2001/44.html>.

9. Launchbury v Morgans [1972] UKHL 5 (09 May 1972) [Electronic resource] : United Kingdom House of Lords Decisions. - Mode of access : Launchbury v Morgans [1972] UKHL 5 (09 May 1972) (bailii.org).

НУЖЕН ЛИ ЗАКОН О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

В. Д. Мазаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», 109028, г. Москва, Покровский бульвар, 11
vmazae9@mail.ru*

В Российской Федерации предусмотрен, но до сих пор не принят закон о национализации. В статье обосновываются причины его принятия, в том числе, фактически сложившиеся реальные общественные отношения в этой сфере, требование конкретизации конституционных гарантий права собственности, необходимость большей правовой определенности в решении этих вопросов. Также предлагаются некоторые положения для разработки концепции закона о национализации.